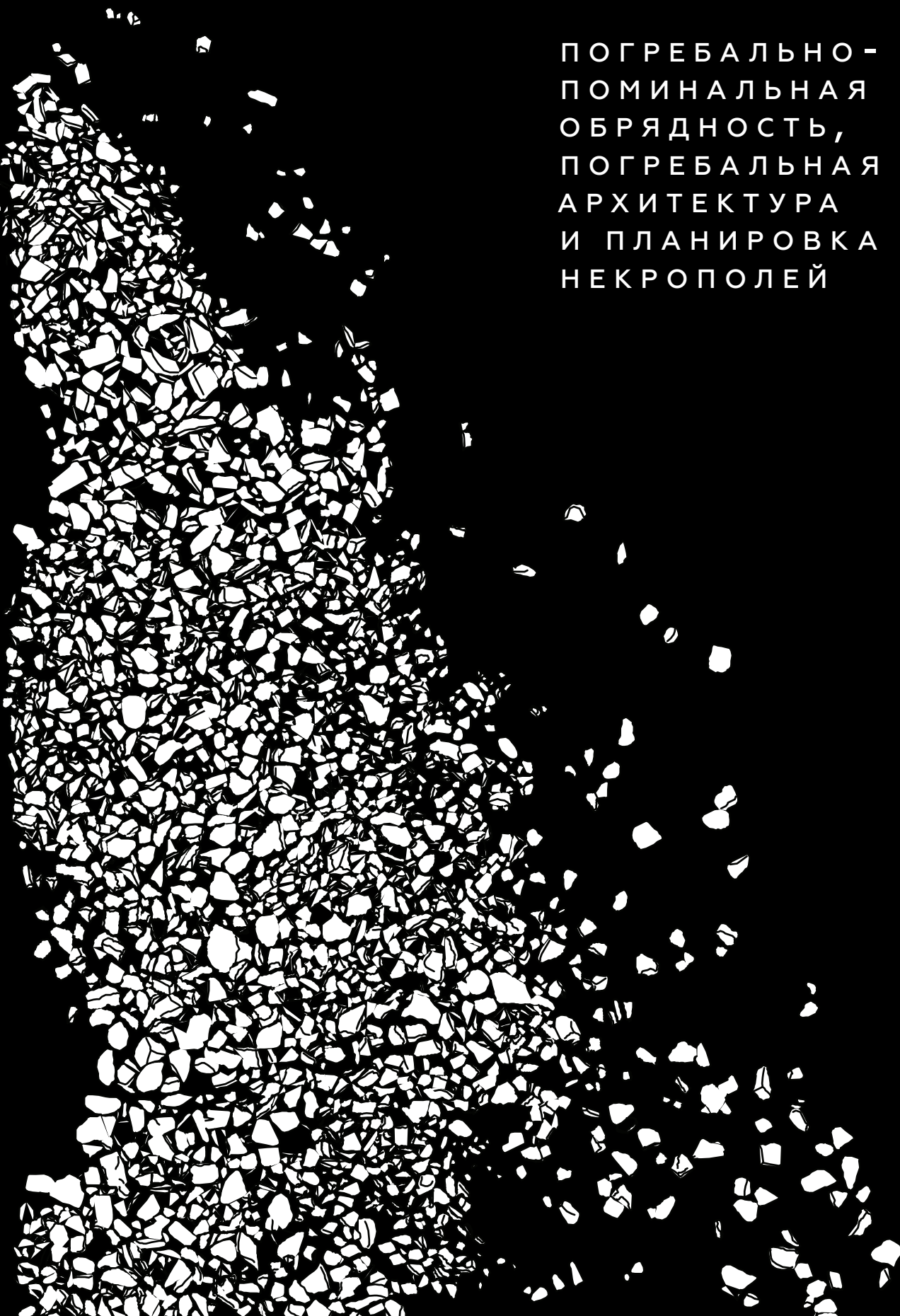

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТУВЫ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Погребальные памятники Тувы эпох неолита и ранней бронзы исследованы в недостаточной степени, но даже по имеющимся данным можно говорить о сложении определенных черт погребального обряда, которые находят свое развитие в последующие эпохи. В первую очередь, это наличие каменных наземных сооружений. В эпоху поздней бронзы широкое распространение имеют памятники монгун-тайгинской культуры, на основании которой формируется обряд культур скифского типа — алды-бельской и уюкско-саглынской. В гунно-сарматское время число погребальных памятников уменьшается и практически исчезает четкость в конструкции курганов. Новый всплеск курганной архитектуры наблюдается в эпоху средневековья, когда опять создаются большие некрополи с высокими курганами и различными геометрическими поминальными сооружениями.

Ключевые слова: Тува, курганы, верхнеенисейская неолитическая культура, афанасьевская, окуневская, монгун-тайгинская, алды-бельская, уюкско-саглынская культуры, хунну, кокзальская культура, древние тюрки, кыргызы

Визуально надмогильные сооружения в Туве атрибутировать достаточно трудно. В подавляющем большинстве это каменные наброски, иногда окруженные кольцом или ровиком, иногда нет и таких признаков, что приводит к курьезам, когда за курганы принимаются кучки камней, возникшие на древних полях в результате проведения оросительных каналов. Тем не менее, в некоторых случаях такие невзрачные каменные наброски являются весьма любопытными археологическими объектами. Так, в нижнем неолитическом слое стоянки Тоора-Даш цепочка из каменных сооружений определенно была либо надмогильными сооружениями, либо поминальниками (рис. 1, 1). Под ними в ряде случаев можно было проследить выкопанные ямы и также обнаружить инвентарь — отщепы халцедона, гарпун, фрагменты керамики, из которых удалось отреставрировать целый сосуд. Здесь не было человеческих костей, по-видимому, несохранившихся в пойме Енисея, но аналогичные курганчики, обнаруженные на стоянке Азас 2 в Тодже (рис. 1, 2), принесли очевидные доказательства того, что это погребальные памятники (Семенов, 1992. С. 18–19, рис. 3).

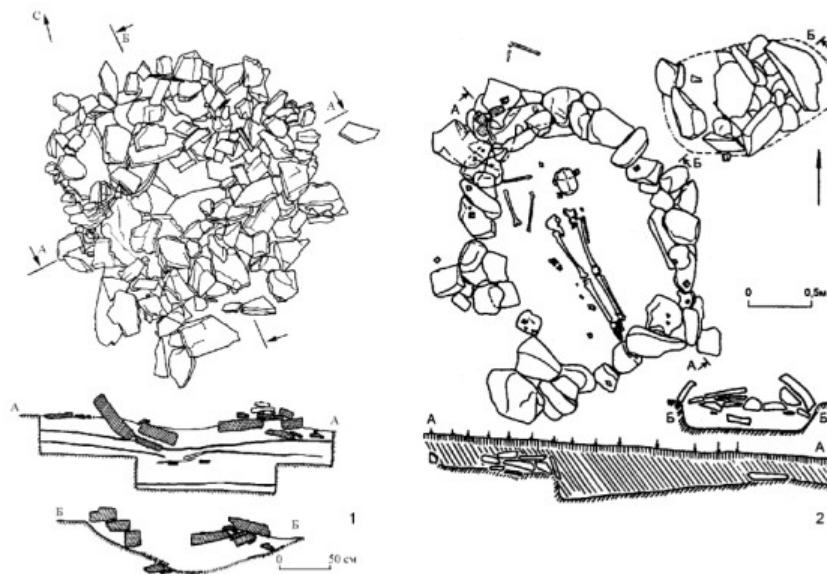

Рис. 1. 1 — сооружение в первом культурном слое стоянки Тоора-Даш (верхнеенисейская неолитическая культура); 2 — погребение на стоянке Азас II (культура окуневского типа)

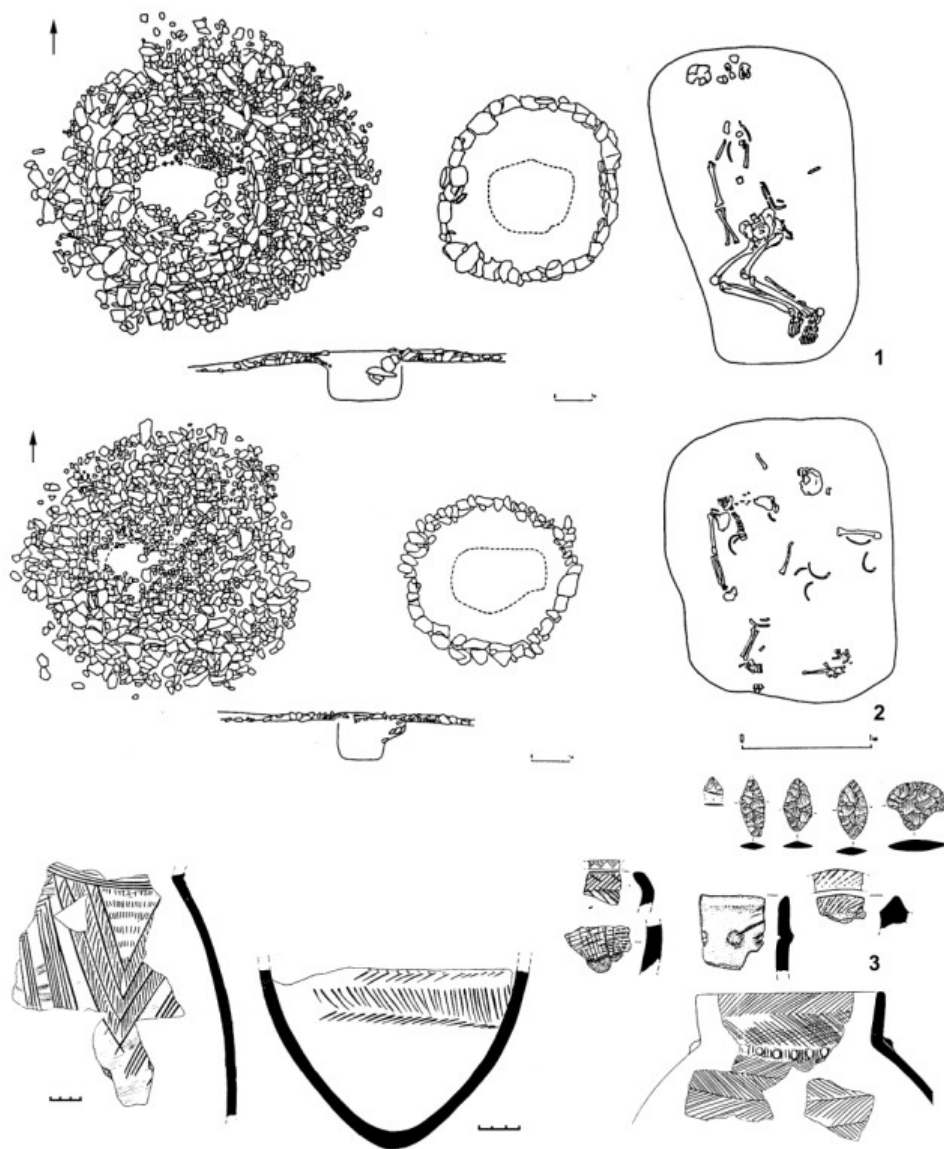

Рис. 2. Могильник Хайыракан 1. Афанасьевская культура

Смена верхнеенисейского неолита произошла в конце III тыс. до н. э. На Тоора-Даше неолитические слои были перекрыты слоем афанасьевской культуры, а у горы Хайыракан раскопаны курганы соответствующего времени (рис. 2) (Рева, 1995. С. 17–22). Признаки этих курганов не отчетливы. Это по сути дела те же каменные наброски над неглубокими грунтовыми могилами, но уже окруженные кольцевой выкладкой. То есть, появляется некоторая погребальная конструкция. В надмогильных сооружениях между камней и под камнями на горизонте обнаружена керамика афанасьевского облика и кремневые наконечники стрел, тогда как сами захоронения оставались безынвентарными. Погребенные лежали скорчено и были засыпаны охрой. Подобные памятники были исследованы В. В. Волковым у Баян-Хонгора в Монголии (Волков, 1980. С. 13–16). По-видимому, в Центральной Азии существовал особый вариант афанасьевской культуры (отличный от минусинского и алтайского), для которого характерно влияние культуры местного этнического субстрата, хоронившего без сопроводительного инвентаря, но оставившего керамику и какие-то иные вещи (кремневые наконечники стрел и т. п.) в каменных надмогильных сооружениях.

Окуневская культура в том виде, в каком она на ранних этапах своего существования выделяется в Туве, может рассматриваться как производное местного неолитического населения, вступающего в более или менее близкие контакты с проникающими за Саяны носителями афанасьевской культуры. Вероятно, ранее всего афанасьевцы появились в Центрально-Тувинской и Уюкской котловинах, тогда как

в Туве их влияние могло быть не столь существенным, о чем свидетельствуют некоторые черты неолитических традиций в погребальном обряде, описанные выше. Но вскоре захоронения в грунтовых ямах и каменных ящиках становятся характерными и для окуневской культуры в Туве. К сожалению, таких погребений известно все еще очень немного. Первое из них раскопано С. И. Вайнштейном на р. Уюк в 1953 г. (*Вайнштейн*, 1954. С. 142). Здесь в грунтовой яме обнаружен глиняный сосуд, соотносимый с керамическим комплексом из седьмого слоя стоянки Тоора-Даш (второй этап культуры окуневского типа в Туве).

Второе погребение подобного рода, со скорченным костяком, открыто М. Х. Маннай-оолом на р. Тарлышкын в бассейне р. Тес-Хем. Костяк ориентирован головой на запад. При погребенном находился бронзовый нож, каменный жезл с головой лося, ковш, вырезанный из бедра крупного животного (*Маннай-оол*, 1963. С. 244–245). Над могилой был сооружен небольшой каменный курганчик. Отсутствие керамики затрудняет определение культурной принадлежности тарлышкынского комплекса. По составу бронзы ножа или кинжала А. Р. Кызласов датировал это погребение серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э. и синхронизировал его с андроновской культурой на Енисее (*Кызласов*, 1979. С. 26), что соответствует времени существования второго этапа окуневской культуры в Туве. К окуневской культуре относил тарлышкынский погребение и Н. В. Леонтьев (*Леонтьев*, 1975. С. 63–67).

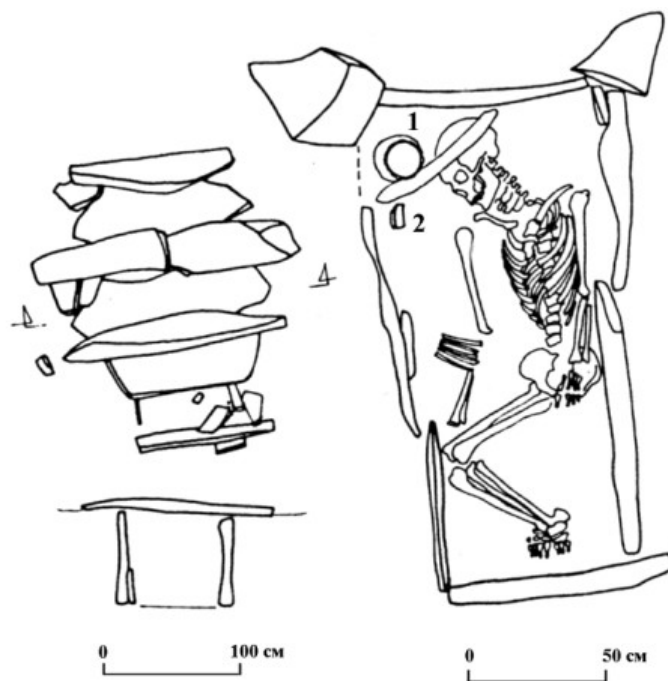

Рис. 3. Могильник Аймырлыг XIII погребение 8 (культура окуневского типа)

Как бы там ни было, но уже на основании только этих двух памятников можно говорить об изменениях в нормах погребального обряда, происшедших в это время в Туве, так как в погребения теперь помещается сопроводительный инвентарь, в том числе и керамика. Еще более отчетливые изменения демонстрируют окуневские некрополи на могильном поле Аймырлыг. Здесь в пунктах XII, XIII и XXVII было раскопано несколько погребений в каменных ящиках (при этом надмогильные сооружения отсутствовали) (рис. 3). Пункты Аймырлыг XII и XIII открыты в 1972 г., пункт Аймырлыг XXVII в 1979 г. Могильники располагались на небольших останцах, прилегающих с запада к террасе реки Чаа-Холь. Судя по отчетам и фотографиям, концы плит каменных ящиков выступали над поверхностью почвы. Другими словами, ящики были впущены в сравнительно неглубокие ямы. Перекрытия ящиков сохранились не во всех случаях. В трех из шести раскопанных могилах костяки были ориентированы головой на северо-восток, в других трех — на северо-запад, все в скорченном положении на правом боку. Погребальный инвентарь включал в себя керамические и каменные сосуды, мелкие изделия из бронзы, украшения (*Стамбульник, Чузунов*, 2006. С. 295–302). Ориентация на северо-восток и северо-

запад в какой-то мере соотносится с подобной биполярностью в ориентации погребенных в афанасьевских могилах Монголии, о которых говорилось выше, где из шести погребений четыре были ориентированы на восток и два — на запад. Учитывая определенный хронологический разрыв и культурные отличия обоих памятников, не следует забывать заключения антропологов, свидетельствующие, что и там, и там похоронены люди афанасьевского антропологического типа (Гожман, 1980; Алексеев и др., 1987).

Открытие погребений в каменных ящиках эпохи бронзы на Аймырлыге позволило А. М. Мандельштаму сделать вывод о длительном переживании погребальных черт окуневской культуры в Туве вплоть до эпохи ранних кочевников. К таким чертам он относил устройство и форму каменных ящиков, расположение скелетов на боку и их ориентировку. На этом основании А. М. Мандельштам говорил о «возможности существования генетических связей между населением “скифского” периода и носителями культуры окуневского типа» (Мандельштам, *Стамбульский*, 1980. С. 53). Этому не противоречат и данные антропологии, согласно которым население скифского времени в Туве является наследником предшествующих ему «окуневцев» (Гожман, 1980). Об этом говорит и тот факт, что курганы алды-бельской культуры также представляют собой своеобразные кладбища, но в отличие от захоронений на Аймырлыге они были окружены каменными оградами и перекрыты каменной наброской.

На этом фоне, наверное, приобретает значение и другие, казалось бы, незначительные свидетельства преемственности между культурами бронзового и раннежелезного периодов в Туве. Построенная на базе данных многослойной стоянки Тоора-Даш колонная секвенция позволяет вычлениить некоторые «сквозные», переходящие из одного периода в другой общице идеи, отраженные в памятниках материальной культуры.

В седьмом слое стоянки (второй этап окуневской культуры, синхронный захоронениям в каменных ящиках Аймырлыга) было выявлено несколько очагов с кольцевым или прямоугольным в плане ограждением из камней, служивших для каких-то культовых целей. Вероятно, очаги использовались эпизодически, так как здесь нет мощных зольных или углистых накоплений, но встречаются мелкие жженные кости и иногда фрагменты керамики. В одном из таких очагов находились фрагменты гладкостенного баночного сосуда, типологически сходного с посудой алды-бельской или тагарской культур. Прямоугольные и круглые в плане ограждения вокруг очагов или просто каких-то мест встречались в девятом культурном слое Тоора-Даша (предскифское время), а затем в десятом слое, который содержал разнообразные находки скифского времени.

Если принять во внимание все эти аргументы, в том числе и происхождение определенных норм погребального обряда, восходящих к окуневской культуре, то следует признать, что параллельно с окуневской традицией существовала другая линия развития, связанная с безынвентарными захоронениями. На каких-то этапах эти линии перекрещивались, но окончательно не сливались. Но прежде следует рассмотреть еще один тип памятников эпохи бронзы — каменные геометрические конструкции, исследованные на могильнике Аргалыкты на Енисее, на могильниках около пос. Усть-Элегест в Центральной Туве, в Уюкской котловине и на крайнем западе Тувы и имеющие аналогии на Восточном Алтае.

Эти конструкции связаны как с окуневской, так и с монгун-тайгинской культурами и в какой-то мере демонстрируют сближение, если не соединение двух культурных традиций в Туве. В долине р. Уюк большие прямоугольные ограды в разных местах исследовались А. В. Адриановым, С. А. Теплоуховым и А. М. Мандельштамом. Подобное описание первых двух было приведено А. Р. Кызласовым (*Кызласов*, 1979. С. 25).

Информация об ограде, раскопанной А. М. Мандельштамом у деревни Малиновки, попала только в сборник «Археологические открытия 1977 года», но она может быть расширена благодаря сохранившимся фотографиям, которые были сделаны автором в процессе раскопок этого памятника. Малиновская ограда расположена у подножия горы Чидаллыг-Тей и имела размеры 17 × 13 м. Она вытянута в направлении восток-запад. С восточной стороны в ограду вел каменный коридор, в котором была захоронена собака. Вся площадь сооружения имела сплошную вымостку из плашмя уложенных плит. После их удаления появились частично сохранившиеся вертикально установленные камни внутренних перемычек. В центре сооружения была локализована линза кальцинированных костей размером приблизительно 1,2 × 0,8 м. Рядом лежала каменная ступка. В разных частях сооружения, но главным образом

около восточной и западной стенок, обнаружены скопления богато декорированной керамики. При раскопках стоянки Тоора-Даш аналогии этой керамики были найдены в седьмом культурном слое, и таким образом удалось установить, что Малиновская ограда и другие подобные ей сооружения появились на втором этапе окуневской культуры в Туве. Чем являлись эти сооружения для их создателей, сказать сейчас трудно. Принимая во внимание видовой состав домашних животных (овца/коза, бык, конь), кости которых обнаружены внутри ограды, раскопанной А. В. Адриановым (1915–1916), можно предположить, что на каких-то этапах своего существования они использовались как культовые площадки для жертвоприношений, и смысл ритуала может быть приоткрыт текстами гимнов Ригvedы (Семенов, 1997. С. 32).

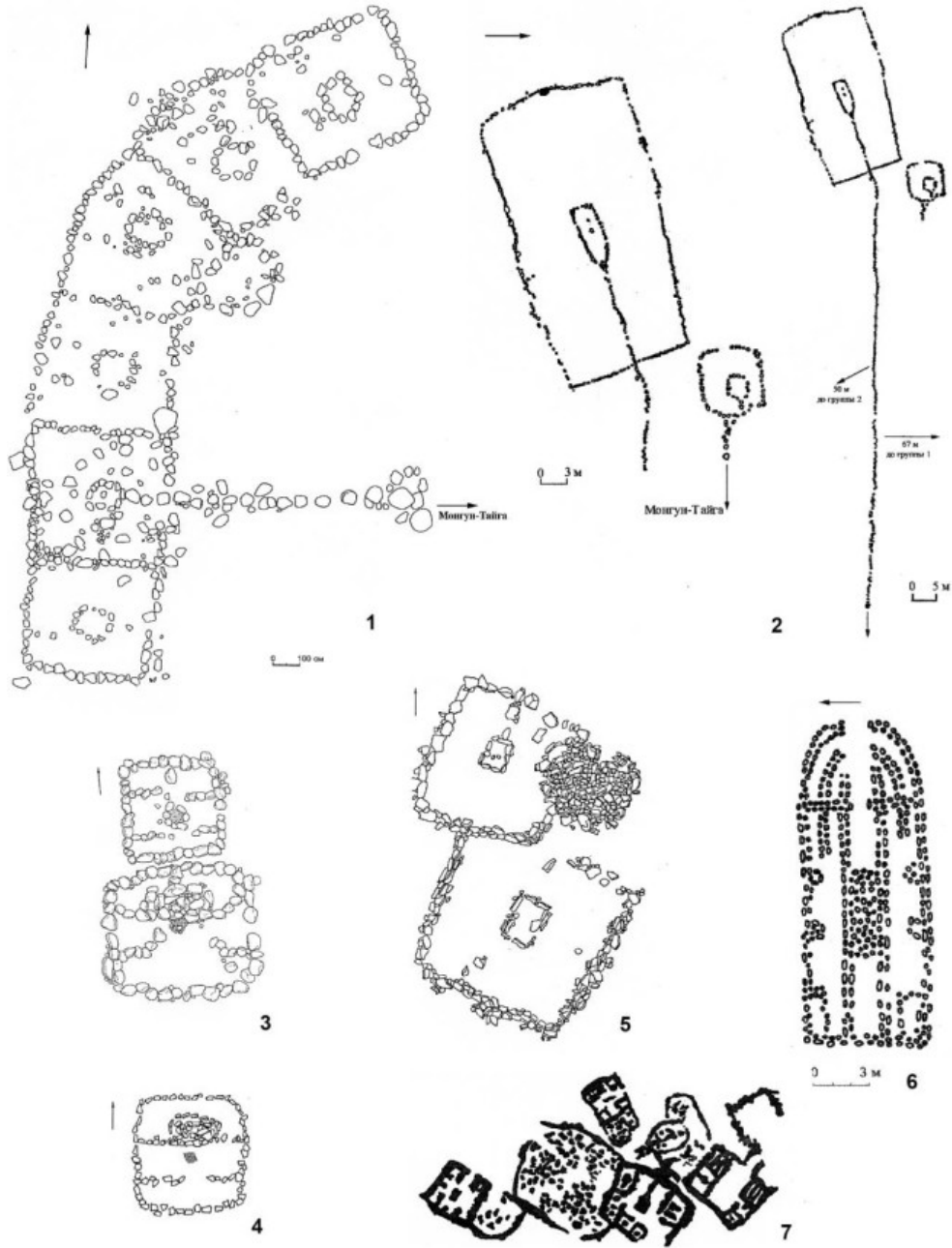

Рис. 4. Геометрические выкладки эпохи бронзы: 1 — Каменные конструкции на излучине Моген-Бурена; 2, 3 — Терге-Кежиг; 4 — Узунтал IV; 5 — Барлык II; 6 — Аргалыкты; 7 — Мугур-Саргол, наскальные изображения геометрических конструкций

Распространение каменных ритуальных выкладок в различных горностепных районах Саяно-Алтая позволяет предположить и столь же широкие хронологические рамки их бытования (рис. 4). Памятники подобного рода в Туве были исследованы Ю. И. Трифионовым у хребта Аргалыкты (Трифионов, 1966.

С. 26), Л. И. Ревой на р. Барлык (*Савинов, Рева, 1993*), Вл. А. Семеновым в долине р. Моген-Бурен (*Семенов, 1997*). По своим конструктивным особенностям они отличаются от Малиновской ограды. Как правило, они выложены из валунов средней величины, иногда имеют трехчастную структуру. В центре оградок выложены имитации очагов или каких-либо других каменных сооружений. Оградки, аналогичные тувинским, были исследованы и на Алтае — в долине р. Елангап (*Окладникова, 1986*), на р. Бугузун (*Савинов, Рева, 1993*), на могильники Ирбисту 1 (*Суразаков, 1988*). Их датировки проблематичны, но в некоторых случаях, например, на р. Барлык, в этих оградах была найдена керамика с гребенчатой орнаментацией, что позволяет синхронизировать эти ограды с Малиновской. На Моген-Бурене и Бугузуне подобные конструкции были пристроены к курганам с погребениями монгун-тайгинского типа. С монгун-тайгинской культурой сопоставляя эти сооружения и К. В. Чугунов, включая сюда и некоторые типы керексурсов (*Чугунов, 1994. С. 43–53*).

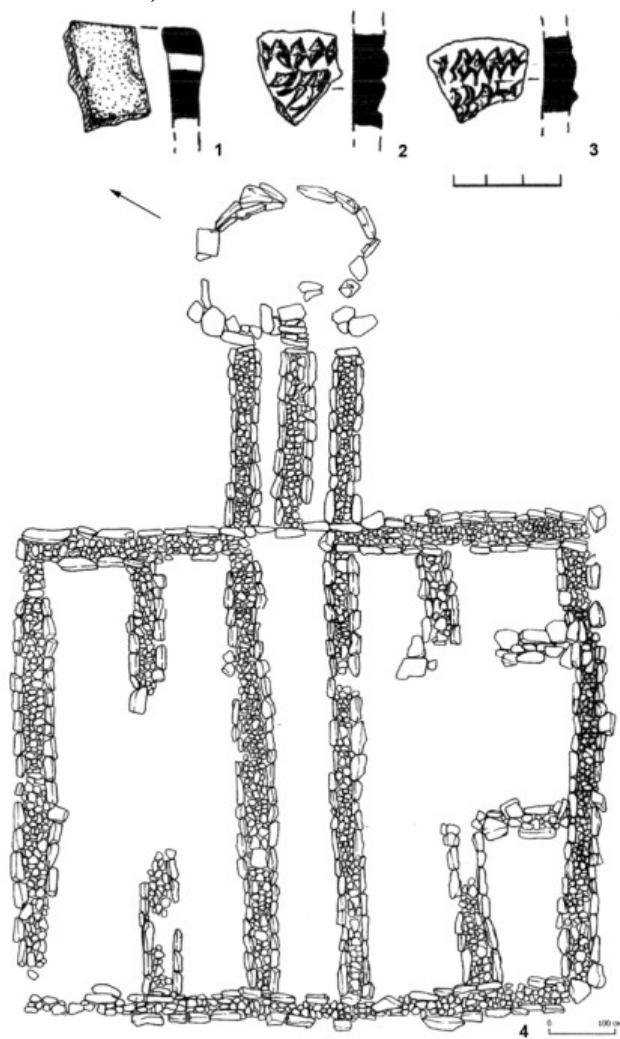

Рис. 5. Выкладка «храм» у горы Шолде-Тей и керамика из этой выкладки

Каменная выкладка была исследована нами у горы Шолде-Тей (рис. 5), где было зафиксировано большое количество петроглифов, которые можно отнести к эпохе бронзы и скифскому времени (около тысячи фигур). Шолде-Тей — это отдельно стоящая гора в центре широкого Куйлухемского плато, со всех сторон окруженная курганными сооружениями различных исторических эпох. Гора образует амфитеатр, обращенный к Енисею. У его подножия сооружен большой керексур, окруженный небольшими кольцевидными выкладками. В 300 м на восток от него стоит вертикальный заостренный камень, по своей форме напоминающий оленные камни, известные в Туве в раннескифское время, но без изображений. Между керексуром и камнем на одной линии находится геометрическая выкладка, которую мы условно назвали «храм». Она сделана на поверхности земли из небольших вертикально

поставленных камней, составляющих прямые дорожки, забутованные мелкими гальками белого цвета. В планиграфии выкладка представляет собой правильный прямоугольник, разделенный дорожками на отсеки; с северо-востока центральная дорожка заканчивается кругом. В заполнении выкладки между камней найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и кремневые отщепы. Уникальным является то, что на западной плоскости Шолде-Тея зафиксированы выбитые круглые углубления и геометрические знаки в виде прямоугольника, напоминающие нашу выкладку.

Параллельно ли с окуневской традицией существовала практика сооружения культовых геометрических памятников в монгун-тайгинской культуре или здесь следует видеть культурную преемственность? Почти во всех раскопанных оградках встречаются следы огня, мелкие кальцинированные кости, трехчастное или двухчастное деление, ориентация запад-восток. Восточная сторона является «главной», хотя в некоторых случаях маркируются и противоположные точки на западной «стенке» выкладок. С восточной стороны же устраивались или полукруглые, или прямоугольные «апсиды» (Аргалыкты, Ирбисту 1, Елангащ, Моген-Бурен), вертикальные камни-стелы и каменные дорожки (Моген-Бурен), «коридоры» (Малиновка). Внутри оградок, ближе к северной стенке, встречаются овальные каменные выкладки, в центре — очаги прямоугольной формы или их имитации. На могильнике Красная Горка 3 около пос. Усть-Элегест (Центральная Тува) под курганами монгун-тайгинской культуры и рядом с ними был обнаружен целый комплекс поминальных оградок прямоугольной формы, заполненных мощным слоем пережженных костей животных. От оград на восток шли длинные дорожки вертикально вкопанных плит. Размеры оград от 15 × 10 м до 1,5 × 1,5 м. От ограды № 30 на восток шла цепочка из 114 камней длиной 80 м.

Культовый характер целого ряда геометрических наземных конструкций дублируется сюжетами петроглифов Мугур-Саргола. Здесь на многих камнях представлены так называемые «дома» и «загоны» (*Дзвлет*, 1976. С. 26, 27), конфигурация которых в ряде случаев соответствует планиграфии рассматриваемых памятников (рис. 4, 7). Такие соответствия не могут быть случайными. Особенный интерес здесь представляет наличие личин, вписанных в композиции, составленные из примыкающих друг к другу изображений «оградок» (Мугур-Саргол, камни №№ 97, 283 и др.). Во-первых, они косвенно датируют подобные конструкции, возведенные на земле из камня, во-вторых, соответствуют действительным реалиям, таким как наличие камня с антропоморфным изображением в «алтарной» нише жилища № 1 на поселении Торгажак (*Савинов*, 1996. С. 29). Учитывая находки декорированных галек на Торгажаке, Тоора-Даше и Этекшиле в Туве, можно представить себе определенное единое мировоззрение, сложившееся на Саяно-Алтае в конце бронзового века и в периоды, непосредственно предшествующие появлению культур скифо-сибирского круга. Торгажакская вапиковая керамика относится, по мнению ее исследователя И. П. Лазаретова, к каменнолоожскому этапу карасукской культуры (или к лугавской культуре) и ведет свое происхождение «из районов Центральной Азии, лежащих к югу от Саян, включая и Туву» (*Лазаретов*, 1996. С. 33–37), что позволяет нам использовать материалы этого уникального памятника для реконструкции культурных состояний в Туве и на прилегающих территориях, тем более, что, согласно данным антропологии, погребения монгун-тайгинского типа оставлены населением, близким по своему облику карасукской популяции Минусинской котловины.

Настоящие курганные культуры появляются в Туве только в эпоху поздней бронзы. Они представлены безы Inventарными погребениями монгун-тайгинского типа. Курганы монгун-тайгинской культуры возведены по определенному канону. Это уже курганная архитектура, а не каменная наброска. Эта архитектура развивалась длительное время, и курганы монгун-тайгинской культуры трудно спутать с другими, хотя, конечно, встречаются и атипичные конструкции.

Самые ранние курганы этой культуры представлены каменной выкладкой, окруженной оградой с погребением в неглубокой вытянутой грунтовой яме, перекрытой плитами (рис. 6). К ним относятся памятники на могильнике Бай-Даг III, Сут-Холь 59–9 и Сут-Холь 59–15 (сразу надо отметить ориентировку сут-хольских захоронений в юго-западный сектор); Аргалыкты I, II; Урбюн I, II, III; Куйлуг-Хем I–14, 21; Эрзин 1–1, 2 и другие (подробную сводку памятников монгун-тайгинского типа см. в статье *Чугунов*, 1994. С. 43–53). Погребенные лежат на боку с чуть согнутыми в коленях ногами и головой на

запад. Иногда под одним курганом бывают две ямы. Инвентарь отсутствует, но находки кремневых наконечников стрел в костях погребенных на могильнике Бай-Даг III позволяют отнести такие могилы к концу карасукского времени, то есть концу II – началу I тыс. до н. э.

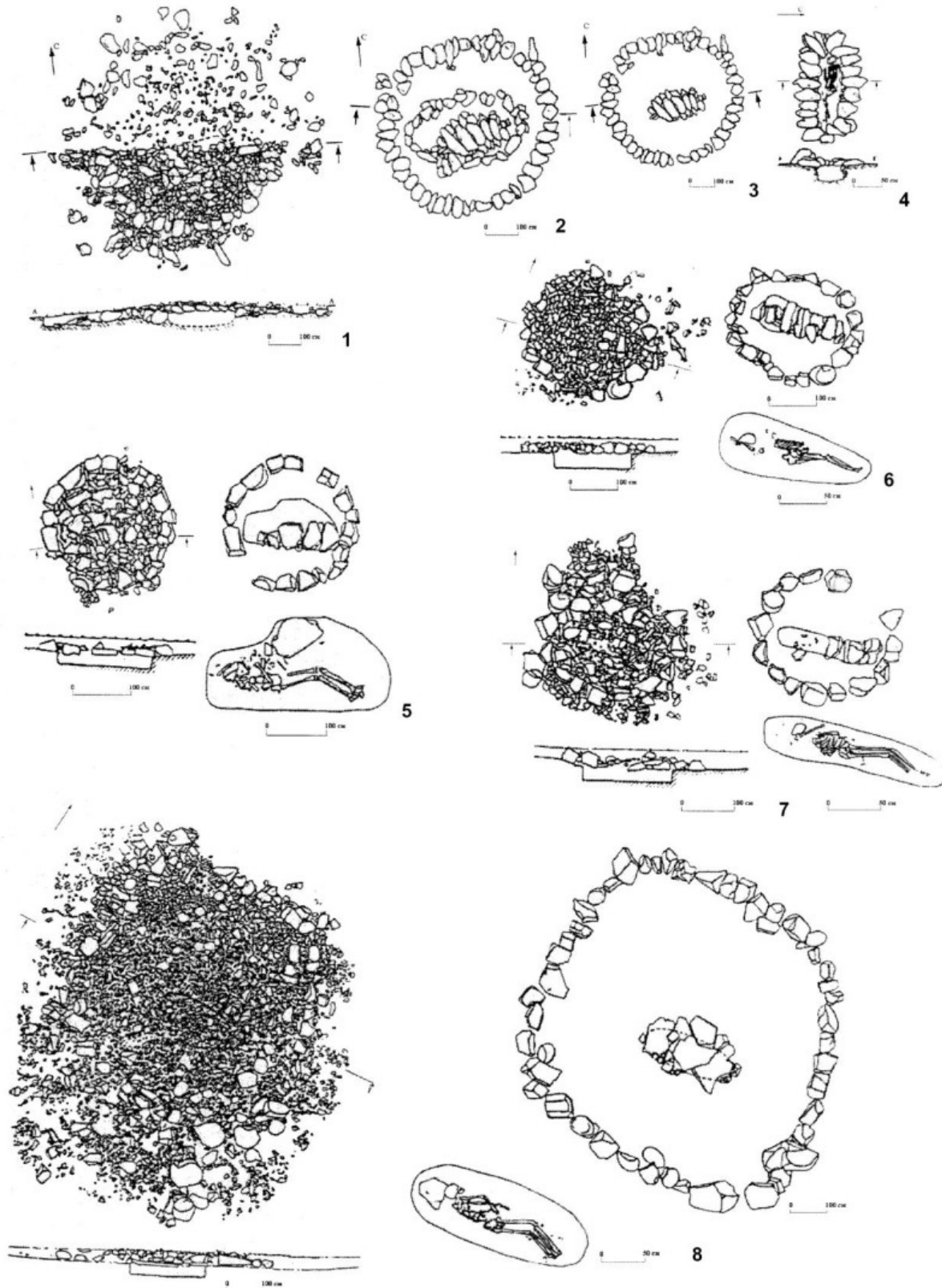

Рис. 6. Курганы монгун-тайгинской культуры на могильниках Торгалык 2 (1–4) и Бай-Даг III (5–12)

Позднее или одновременно с грунтовыми могилами появились ямы, обложенные по периметру плоскими камнями. Подобные погребения были исследованы на могильниках Торгалык 2, Баян-Кол (раскопки Вл. А. Семенова), Сут-Холь (раскопки А. Д. Грача, 1962 г.) и др. Можно допустить, что в ряде случаев на такие особенности исследователи не обращали внимания. Этот тип погребений рассматривается как этапная стадия при переходе от захоронений в неглубоких ямах к захоронениям в невысоких цистах на горизонте. Как вариант можно рассматривать погребение в узкой яме, обставленной внутри плитами на могильнике Аргалыкты (раскопки Вл. А. Семенов, 1991 г.). Такие цисты раскопаны в Монгун-Тайге, на могильнике Торгалык 1, с погребениями на боку со слабо согнутыми ногами, так и на спине, влоборота. В одной из таких низких цист на Торгалыке 1, курган № 1 было захоронено два человека. Разграбление цисты не позволяет с уверенностью говорить о положении погребенных, но по положению длинных костей ног можно догадаться, что оба они лежали на правом боку с вытянутыми, а не согнутыми в коленях ногами.

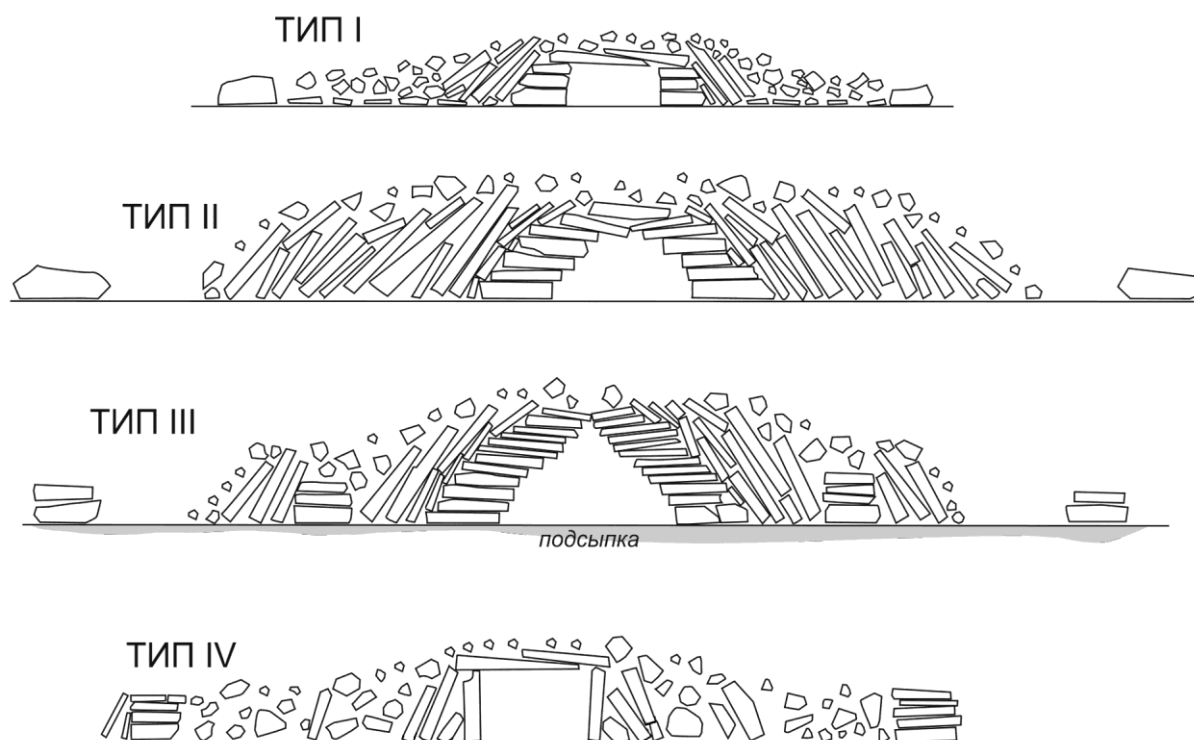

Рис. 7. Типы сооружений монгун-тайгинской культуры

Этот опыт приводит к появлению низкой цисты, сложенной в два-три слоя, стоящей на уровне древней дневной поверхности, и к отказу от погребения в ямах. Но встречаются цисты из плит, поставленных на ребро, для установки которых необходимо было вырыть неглубокую яму, и тогда усопший может оказаться немного ниже уровня древней дневной поверхности. Но циста является «саморазвивающимся объектом» (рис. 7). Они постепенно увеличиваются в размерах. Поставленную в центре кургана цисту перекрывают тяжелыми массивными плитами, уложенными в несколько слоев, ее стенки обкладывают горизонтально положенными в несколько рядов камнями. Уже эту обводную стенку зачастую подпирают контрфорсы или крепида из вертикально поставленных или просто очень крупных камней. В ряде случаев отмечено по две параллельные стенки вокруг цисты, сложенные горизонтально из плит. Каждая из этих стенок укреплена вертикальными камнями. Вокруг этого монументального сооружения на некотором расстоянии сооружается каменная ограда округлой или подквадратной формы. Захоронения в высоких цистах распространены в Туве на значительной территории. Курганов с такими цистами довольно много в Монгун-Тайге, Овюрском и Эрзинском районах Тувы. В последнем из них у горы Ямалык цисты помещались в центре оград с «лучами», то есть эти курганы подпадают под опреде-

ление керексуров. Высокие цисты раскопаны на могильниках Куйлуг-Хем, Демир-Сут, Чарга. В 2015 г. на могильниках Красная Горка 2 и 3 около пос. Усть-Элегест на левом берегу Енисея был раскопан целый комплекс таких захоронений.

Рис. 8. Могильник Аргалькты. Алды-бельский курган (1) перекрывает сооружение монгун-тайгинского типа (2); 3–10 — погребения в алды-бельской ограде; 11 — погребение в монгун-тайгинской ограде; 12 — бронзовое зеркало из алды-бельской ограды

На ранней стадии пространство между центральным сооружением и оградой закладывалось камнями в один-два слоя, и получалась платформа. Затем на пространстве между цистой и оградой появляются каменные выкладки или «лучи». Так появились херексуры. Число лучей может быть 4, 8, 12 и т. д., кратное четырем. В Улуг-Хоруме в долине р. Саглы их было 32. Сама собой возникла иллюзия солнечного колеса, храма Солнца. В результате выкристаллизовывалась идея построения кургана Аржан.

На предскифском этапе погребенные лежат в невысоких цистах в скорченном положении с сильно согнутыми в коленях ногами, как они затем лежат в курганах скифского времени. Этот тип памятников, вслед за Л. Р. Кызласовым и К. В. Чугуновым, можно назвать «шанчигским». Л. Р. Кызласов датировал его раннескифским временем на основании находки бронзового молота в кургане Шанчиг 15 (Кызласов, 1979). Можно предположить, что скорченная поза погребенного соотносилась с позой эмбриона, подготовленного для предстоящего перерождения. Тогда становится ясным назначение каменных треугольников, помещенных в сакральное поле кургана. В курганном сооружении сохраняется стенка, или две стенки, из горизонтальных уложенных камней, местами укрепленные контрфорсами (как в описанных выше курганах монгун-тайгинской культуры). Стенки эти имели назначение крепиды. Внешний фасад стенки сделан очень тщательно. Курганы приобретают форму цилиндра, а до этого были куполообразные сооружения. Подобной цилиндрической формы был обнесенный каменной стенкой-крепидой курган Аржан, который содержал погребения на древней дневной поверхности. В монгун-тайгинских курганах встречаются кости коней. В кургане Аржан, а затем в кургане Аржан-2 кони представлены как жертвы, по-видимому, для переноса душ умерших в потусторонний мир.

В Аржане-2 погребенные лежат в могиле на значительной глубине, что свидетельствует о кардинальной перемене мировоззрения, появлении нового социума создателей алды-бельской культуры. В алды-бельских курганах, как в элитных, так и в рядовых, бывает по нескольку погребений. Курганы очень часто пристраиваются один к другому. В ряде случаев они пристраивались к монгун-тайгинским курганам (рис. 8). В курганах «среднего сословия» вместо коней оставляли конское снаряжение, но тоже не в могилах, а под каменной выкладкой или под камнями окружающего курган кольца, по принципу часть вместо целого — то есть происходит символическое замещение коня его снаряжением — удилами и псалями. Основным типом погребальной конструкции был каменный ящик, в котором покоились останки одного погребенного в скорченной позе головой на запад-северо-запад. Иногда вместе со взрослым захоранивался ребенок (интересно, что очень часто дети помещались рядом с мужчинами). Также есть погребения в деревянных колодах, преимущественно детские, а также в могилах, обложенных внутри деревянными рамами. Центральные погребения иногда достигали значительной глубины — 2–3 м. В них так же по периметру укладывались бревна. На дне этих могил были остатки деревянного пола или подстилки из органического материала.

Алды-бельская культура в разных ее модификациях от одного кургана с одним погребением до значительных курганов-кладбищ (невысоких, уплощенной цилиндрической формы) просуществовала до V в. до н. э., когда постепенно на смену ей пришли носители уюкской культуры, названной так Л. Р. Кызласовым на том основании, что первые значительные раскопки в Туве проводились А. В. Адриановым и С. А. Теплоуховым в Уюкской котловине. Для уюкских курганов характерны высокие земляные насыпи куполообразной формы, часто облицованные камнем (полностью или частично), глубокие ямы, небольшие по площади, и невысокие срубы (один-два венца). Как и во всех таких случаях бывают исключения: ямы достигают глубины 5 м, а площадь срубов 14–15 кв. м и высота — до пяти венцов. Характерной особенностью уюкских срубов является параллельное расположение плах пола и перекрытия и отсутствие в погребальном инвентаре керамики. Именно это и отличает их от саглыньских срубов, в которых пол и перекрытие настланы в противоположных направлениях и в погребениях есть керамика. Курганы над саглыньскими срубам также сложены из камня, зачастую окружены кольцом-оградой. Для саглыньской культуры характерны и погребения в каменных ящиках или конструкциях типа склепов. От ящиков они отличаются размерами и числом погребенных. Они могут быть отмечены каменной наброской. Очень сложно провести четкую границу между уюкской и саглыньской культурами, поэтому предложен был термин уюкско-саглыньская культура. В уюкско-саглыньской культуре достаточ-

но много могильников без определенных наземных признаков (рис. 9, 10). Они фиксируются на уровне современной поверхности по еле заметным западинам, а после расчистки вокруг могилы проявляется валок выброса, иногда обложенный в один слой камнями.

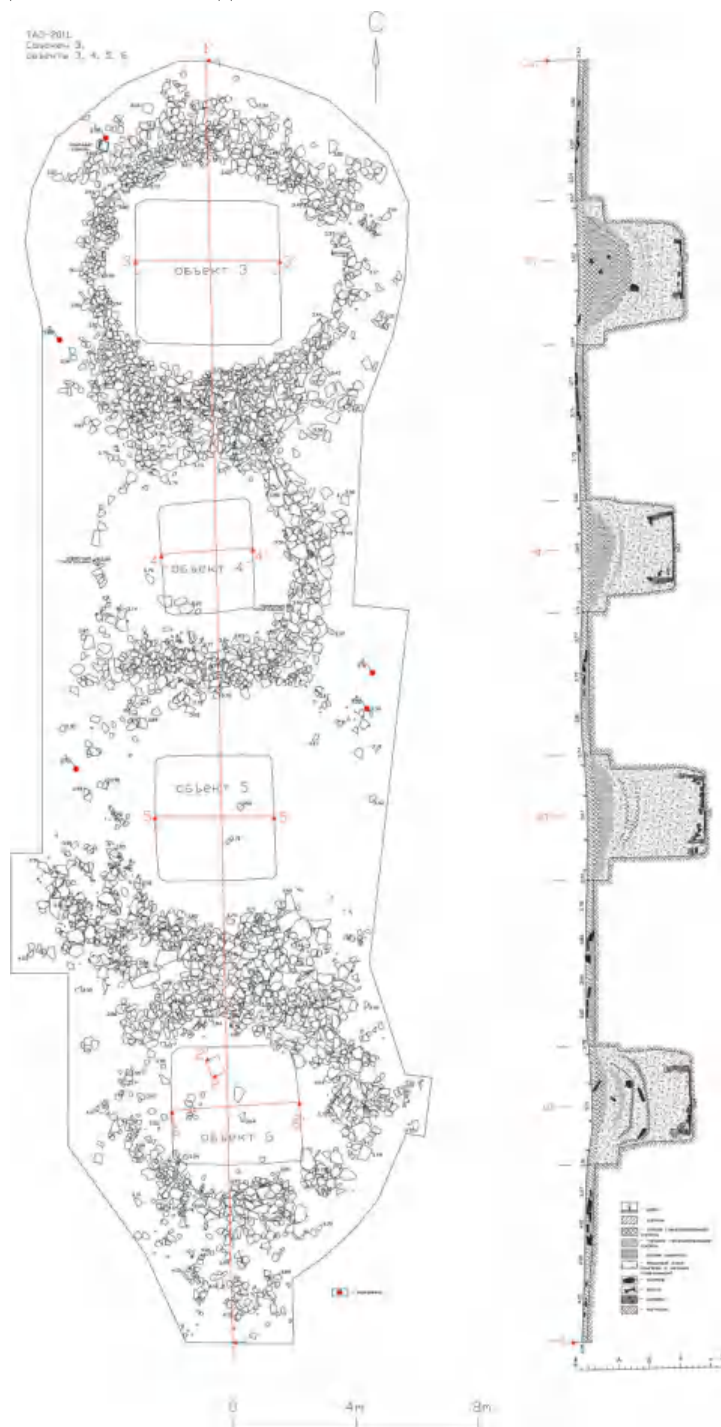

Рис. 9. Могильник Саускен 3. Объекты №№ 3–6. Уюкско-саглынская культура (VI–IV вв. до н. э.)

Носители саглынской культуры доживают и даже сосуществуют некоторое время с вторгнувшимися в бассейн Верхнего Енисея хунну. Несколько некрополей рядовых кочевников этого периода исследовано в устье реки Чаа-Холь — Аймырлыг, Терезин, Ала-Тей. Могилы здесь были иногда отмечены несколькими камнями, но большинство не имело надмогильного сооружения. Усопших хоронили в грунтовых ямах в деревянных гробах, рамах или в каменных ящиках или каменной обкладке. Для этого времени А. Д. Грачом была выделена пока не вполне понятная улуг-хемская культура, когда умерших хоронили по скифскому обряду в каменных ящиках (скорчено на боку), но в них встречается керамика

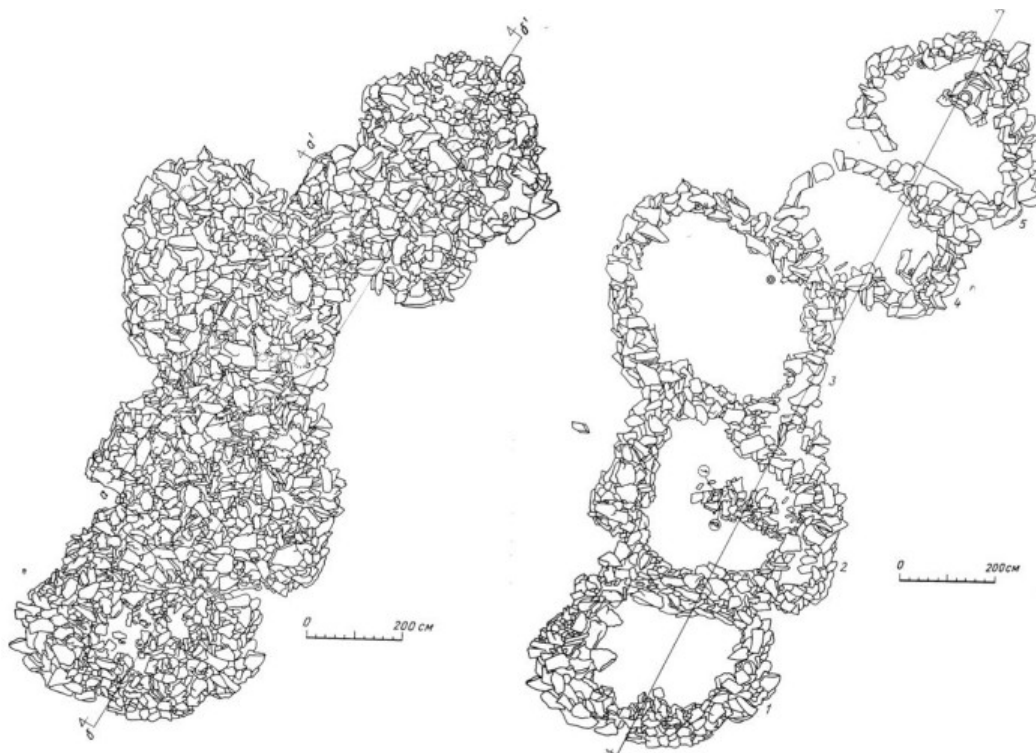

Рис. 11. Могильник Шугур (по Г. В. Длужневской). Кокчальская культура

В заключении надо отметить, что развитию погребального обряда на протяжении нескольких тысячелетий имеет определенную повторяющуюся закономерность: погребения на горизонте в курганах с четкой наземной конструкцией, затем глубокие могильные ямы с высокими наземными сооружениями, потом могилы становятся мельче, но остаются большими по площади со срубками на дне, и практически исчезают курганные насыпи, затем появляются грунтовые могильники. Такая динамика развития погребального обряда может свидетельствовать о сложении определенных представлений, связанных с социальными и демографическими процессами, а главное с изменениями религиозных представлений, формирующихся в кочевой среде.

Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология. Этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1954. Вып. 2.

Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. Уланбатар, 1980. Т. 9.

Гохман И. И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // СМАЭ. Л., 1980. Вып. XXXVI.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улут-Хема. М., 1976.

Кызласов А. Р. Древняя Тува. М., 1979.

Лазаретов И. П. Керамика поселения Торгажак // Древние поселения Хакасии. СПб., 1996.

Леонтьев Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.

Маннай-оол М. Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып. 10.

Окладникова Е. А. К вопросу о каменных выкладках в долине реки Елонгаш // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Рева А. И. Хайыракан 1 — могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995.

Савинов А. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак; СПб., 1996.

Савинов А. Г., Рева А. И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.

Семенов Вл. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.

Семенов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб., 1997.

Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник. СПб., 2006. Вып. 2: Культура и ее окружение.

Суразаков А. С. Ирбисту 1 // Проблемы изучения культур населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.

Трифонов Ю. И. Работы на могильнике Аргалыкты // АО 1965 г. М., 1966.

Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб., 1994. Вып. 8.